Полина С. Петрухина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

Приключения плезиозавра и мамонта: как действуют доисторические животные в гетерогенных сетях

doi: 10.22394/2074-0492-2019-3-140-158

Резюме:

В статье рассматриваются два эпизода из истории палеонтологии XVIII–XIX веков, главными героями которых выступают плезиозавр (*Plesiosaurus microcephalus*) и мамонт, по прошествии времени оказавшийся мастодонтом (*Mammut americanum*). Вымершие много тысячелетий назад, эти животные могут проявлять активность в наше время: их действия прослеживаются по влияниям, которые они оказывают на идентичности других существ. В качестве последних могут выступать как отдельные индивиды, так и целые нации. Плезиозавр помогает своей первооткрывательнице Мэри Эннинг в отстаивании ее прав на занятия наукой и на материальную независимость в патриархальном обществе Англии первой половины XIX века, а мамонт-мастодонт используется Томасом Джефферсоном в качестве союзника для укрепления позиций молодого американского государства на международной арене. Спектр взаимодействий, в которые вовлекаются герои, является разнородным: он не ограничивается сугубо научной сферой, но включает также государственную политику, социальные и гендерные отношения. Для анализа кейсов привлекается методологический аппарат акторно-сетевой теории (АСТ), благодаря которому оказывается возможным избежать дихотомий «живое/неживое», «человеческое/не-человеческое», закрывающих от наблюдателя агентность объектов. Это позволяет непредвзято исследовать на равных началах гетерогенные сущности, идентичность которых задается их собственными действиями и воздействиями со стороны других акторов сети.

Ключевые слова: доисторические животные, акторно-сетевая теория, палеонтология, гетерогенность, нечеловеческие актанты

Петрухина Полина Сергеевна — студентка магистратуры философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Научные интересы: STS, исследования научных лабораторий, акторно-сетевая теория, философия науки, социология науки. E-mail: polina.petruhina@gmail.com

Polina S. Petrukhina

Lomonosov Moscow State University, Russia

The Adventures of the Plesiosaurus and the Mammoth: How Prehistoric Animals Act in Heterogeneous Networks

Abstract:
The article considers two episodes from the history of paleontology in the 18th to 19th centuries, where the main characters are the plesiosaurus (*Plesiosaurus microcephalus*) and the mammoth (*Mammut americanum),* the latter of which later turned out to be a mastodon. These creatures were able to manifest themselves as actors despite being extinct for thousands of years. Their actions are traced through their influences on the identities of other actors, be they individuals or entire nations. The plesiosaurus helps its discoverer Mary Anning defend her rights to do science and to earn a living for herself and her family in the patriarchal society of England in the first half of the 19th century, while the mammoth-mastodon is engaged as an ally by Thomas Jefferson in strengthening the position of the young American nation. The range of interactions our heroes are involved in is heterogeneous: it includes not only the scientific sphere but also public policy, social and gender relations. The analysis of these cases is based on the methodological apparatus of actor-network theory (ANT), which makes it possible to escape the dichotomies of "living/nonliving", "human/non-human" that hide the agency of objects from the observer. By avoiding these dichotomies it becomes possible to conduct unbiased research of different heterogeneous entities on equal footing.

Keywords: prehistoric animals, actor-network theory, paleontology, heterogeneity, non-human actants

Введение

При входе на экспозицию московского Палеонтологического музея посетителей встречает парящий в воздухе слепок скелета доисторического морского ящера плезиозавра. Прочно фиксированный леской, вырванный из естественной водной среды в более удобную для всеобщего обозрения этот древний гигант, казалось бы, явным образом иллюстрирует крайнюю пассивность палеонтологических объектов, подверженных человеческим манипуляциям. Палеонтология — хороший пример конструктивизма в науке, в котором главная созидательная роль принадлежит ученым и на-

Polina S. Petruhina — Master's student, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. Research interests: STS, laboratory studies, actor-network theory, philosophy of science, sociology of science. E-mail: polina.petruhina@gmail.com

учным иллюстраторам, своей волей и фантазией воссоздающим полный облик вымершего животного по немногочисленным сохранившимся окаменелостям — фоссилиям[1].

В статье разбираются два кейса, в которых доисторическим животным — плезиозавру (Plesiosaurus microcephalus) и мамонту (Mammut americanum) — отводится немаловажная роль. Два этих случая относятся к истории палеонтологии, но, как будет показано ниже, спектр затрагиваемых тем в них гораздо шире и разнообразнее, поскольку вымершие животные способны помогать и содействовать людям в различных сферах. Для анализа привлекается методологический аппарат STS, в частности акторно-сетевой теории (АСТ). Поскольку АСТ постулирует гибридный мир, в котором гетерогенные и нередуцируемые сущности оказываются тесно связанными между собой на правах равных действующих агентов — акторов[2], это позволяет сделать таких нетривиальных персонажей, как доисторические животные и фоссилии, действующими героями[3].

Плезиозавр и право на гендерное равенство

Начнем с истории о плезиозавре, чье «появление на свет» тесно переплетено с судьбой Мэри Эннинг, англичанки, впервые обнаружившей его полный скелет в декабре 1823 года[4]. Она внесла весомый вклад в построение идентичности плезиозавра, а он в свою очередь оказал влияние на ее собственную идентичность. Эннинг вряд ли можно назвать ученой или исследовательницей, поскольку она не имела соответствующего образования и не была признана современным ей научным сообществом. Тем не менее она смогла преуспеть в собирательстве фоссилий, и тому было несколько предпосылок.

---

1 Интересные разборы такого палеонтологического конструирования можно посмотреть, например, в [Conway J. et al. 2013].

2 Теоретические основы АСТ в данной работе представлены с опорой на концепции Бруно Латура [Латур 2013, 2014, 2015], а также Мишеля Каллона [Каллон 2017] и Джона Ло [Law 1986].

3 Во многих работах представителей АСТ фигурируют акторы-животные и микроорганизмы, например, морские гребешки [Каллон 2017], бактерии и домашний скот [Латур 2015]. Палеонтологические акторы становились объектами исследования намного реже и рассматривались в других аспектах, нежели в данной статье. Например, Латура интересует динозавр не в плане его активности, а как гетерогенная сущность, распадающаяся на трех самостоятельных акторов: Реалозавра, Наукозавра и Культурозавра [Latour 1980].

4 Сведения о биографии Мэри Эннинг взяты из [Протеро 2016; Emling 2009; Goodhue 2002].

Эннинг родилась и прожила всю жизнь в Лайм-Реджисе — богатейшем на ископаемые останки месте. Собирание доисторических сокровищ, обнажаемых в разломах прибрежных скал после бурь и оползней, было любимым времяпрепровождением ее отца. Переняв у него эту страсть, Эннинг смогла превратить простое хобби в основное средство к существованию своей семьи, связав духовные интересы с материальными. Сам факт того, что женщина самостоятельно зарабатывала на жизнь, вела бойкую торговлю в своей лавке фоссилий и была кормилицей семьи, был крайне нетипичен для Британии первой половины XIX века.

Казалось, все было против того, чтобы Эннинг связала свою жизнь с подобными занятиями. Она была женщиной, живущей в патриархальном британском обществе XIX века, что закрывало ей путь в науку и служило препятствием в виде общественного неприятия и непонимания ее образа жизни (самостоятельный заработок и материальное обеспечение семьи, отказ от замужества, занятие «не-женским» трудом). Собирание окаменелостей было работой непосильной и многим мужчинам. Мало того, что работа по извлечению останков являлась физически тяжелой, сам выход в горы был сопряжен с риском для жизни. Кроме того, Эннинг не могла похвастаться ни материальным благополучием, ни знатным происхождением, которое могло бы оправдать ее «причуды» и обеспечить ей привилегии высокого социального статуса. Наконец, Эннинг исповедовала конгрегационализм — радикальное направление кальвинизма, а не поддерживаемое государством англиканство. К тому же научная дисциплина, которая могла бы придать вес ее занятиям, только развивалась, еще не оформившись как самостоятельная наука. Тем не менее, даже несмотря на эти преграды, Эннинг стала одной из наиболее ярких фигур в истории палеонтологии благодаря своей связи с многочисленными разнородными союзниками, одними из которых были доисторические животные.

Во-первых, Эннинг повезло родиться в месте залежей фоссилий. Во-вторых, недалеко от Лайм-Реджиса родился и другой любитель геологии, Уильям Бакленд, с которым Эннинг поддерживала приятельские отношения. Хотя Бакленд значительно превосходил Эннинг по своему финансовому и социальному положению, а также по уровню образования и по окружавшей его интеллектуальной среде, возможность проводить длительное время за поиском ископаемых и лично взаимодействовать с останками оказалась фактором, существенно сократившим этот социальный разрыв. Мэри получила все свои первые знания на берегу непосредственно от останков, Уильям удовлетворял детское любопытство к естественной истории также эмпирически, исследуя каменные карьеры и горы воз-

ле Лайм-Реджис, назвав их своей «геологической школой» [Emling 2009: 52].

Еще одним неожиданным союзником Эннинг оказались улучшенные дороги и появление нового типа экипажей, обеспечивших большую мобильность в начале 1800-х. Это привело к притоку богатых туристов в Лайм-Реджис, которые составляли значительную часть покупателей окаменелостей сначала у отца Мэри, а затем и у нее самой. Палеонтологии как науки еще не существовало, но состоятельные европейцы маниакально коллекционировали различные диковинные древности. Чтобы фоссилии представляли интерес для богатой публики, многие собиратели определяли их как магические и целебные артефакты. Кроме того, развитие транспортной сети позволило не только привозить клиентов в город, но и вывозить информацию, то есть гораздо быстрее распространять новости. Мэри было всего 12 лет, когда они с братом обнаружили скелет ихтиозавра, но слух об их находке быстро достиг академического сообщества Англии, позволив Эннинг установить связи со многими его представителями (Баклендом, его другом геологом Генри Де ла Бешем и проч.).

Одной находки было недостаточно, чтобы гарантировать Эннинг место в научном сообществе. Поскольку новых грандиозных окаменелостей ей не попадалось, про нее довольно скоро забыли, и торговля перестала приносить прибыль. В результате семья Эннингов оказалась за чертой бедности. Выбраться из нищеты и совершить еще ряд великолепных находок Мэри помог заядлый коллекционер фоссилий подполковник Томас Джеймс Берч. После выхода в отставку он посвятил свою жизнь коллекционированию древностей, скупая палеонтологические находки по всей юго-западной Англии. Берч не мог обойти вниманием Эннинг и ее фоссилии, и нередко пополнял свою коллекцию найденными Мэри экземплярами. Узнав о ее бедственном положении, Берч выставил на аукцион все свои палеонтологические сокровища, чтобы помочь Эннингам. Союзником в проведении этого аукциона стал Египетский зал — помещение Лондонского музея на Пикадилли (The Egyptian Hall in Picadilly).

В светских кругах Европы начала XIX века царила мода на Древний Египет, поэтому зал с египетскими фризами и экзотическим убранством сам по себе был приманкой для посетителей. Он стал наиболее удачным местом проведения выставки-аукциона, усилив внимание публики к коллекции, продажа которой была громким событием для ученых кругов того времени (среди покупателей был Жорж Кювье). Все заработанные средства перешли Эннингам, а Мэри получила не только материальную помощь, но и признание, поскольку ее наконец заметили. Из-за своей мар-

гинальности Эннинг не имела возможности говорить от своего имени так, чтобы быть услышанной патриархальным научным сообществом того времени. Чтобы влиться в это сообщество, ей, как и найденным ею останкам доисторических животных, требовался представитель[1], который обладал бы таким правом голоса, а также достаточным количеством ресурсов, чтобы привлечь союзников для утверждения идентичности Эннинг как актора палеонтологической сети.

Таким представителем становится Берч. Он объявил, что проводит аукцион в поддержку Эннинг. Что привлекло необходимое общественное внимание на международном уровне к ее «фоссильному бизнесу». Эта коллекция, самые удивительные экспонаты которой (включая скелет ихтиозавра) были добыты руками Мэри с помощью ее брата Джозефа, явила собой настоящее сокровище геолого-палеонтологического мира и принесла своей добытчице широкую известность. Результатом представительства Берча и связи с доисторическими животными становится переопределение идентичности Мэри как актора палеонтологических сетей. Она повышает свой престиж как торговка фоссилиями (ее клиентская база существенно расширяется), и, кроме того, закладываются основы для восприятия ее не только как поставщицы останков, но и как исследовательницы, пусть и с незначительным авторитетом и статусом самоучки-любительницы. Воодушевленной Мэри для закрепления своего места в палеонтологическом сообществе необходимо было сделать еще одну экстраординарную находку, которая всколыхнула бы весь научный мир.

Этой находкой стал обнаруженный ею в 1823 году скелет, хотя даже сама Эннинг сначала сомневалась в его ценности. Однако вскоре данная фоссилия стала действительно выдающейся в глазах научного сообщества, но для того чтобы это произошло, необходимо было искать союзников и завоевывать их внимание через перевод интересов [Латур 2013: 178]. Эннинг, не обладавшей соответствующим авторитетом в научных кругах, нужно было найти среди ученых того, кого бы заинтересовала ее находка в свете разрабатываемых им исследовательских вопросов. Занимаясь самообразованием, читая все доступные ей публикации, общаясь с Де ла Бешем и Баклендом, Мэри не только приобщалась к новейшим научным данным о фоссилиях, но и была в курсе актуальных проблем современной палеонтологии.

1 Представителем Латур называет любого, говорящего от имени того, кто не способен сам выразить вою позицию, в том числе и от имени объектов научного исследования [Латур 2013: 125].

Один из натуралистов Уильям Конибэр, знакомый Де ла Беша, был убежден, что часть останков, приписываемых уже достаточно устойчивому актанту, ихтиозавру, принадлежит какому-то другому древнему морскому существу. Хотя Конибэр основывал свои догадки лишь на разрозненных фрагментах различных коллекций (отдельные позвонки странной для ихтиозавра формы, челюсть с необычным расположением конических зубов, неразбериха с плавниковыми костями), он был настолько преисполнен энтузиазма, что дал имя этому загадочному существу. Так на научной сцене впервые появляется плезиозавр.

На тот момент он был сущностью с сомнительным статусом, по большому счету всего лишь выдумкой Конибэра. Мало того, что рассуждения ученого могли оказаться полностью ошибочными, но и исследованные им фрагменты могли принадлежать не одному, а множеству различных созданий. Для того чтобы убедить остальных в своей правоте, Конибэру необходим был относительно полный скелет, радикально отличающийся от имеющихся остовов ихтиозавров. Он был необходим и самому плезиозавру, чтобы утвердить свое существование не только в качестве продукта воображения Конибэра, но научного объекта и существа, реально обитавшего на Земле миллионы лет назад. Этим материальным союзником оказался скелет, найденный Эннинг в 1823 году. Мэри поняла, что ее находка могла бы быть прекрасным подкреплением идей Конибэра.

Новость о предполагаемом плезиозавре быстро распространилась среди сообщества. Однако великий французский натуралист Жорж Кювье объявил находку фальшивкой, поскольку длина шеи найденного скелета представлялась ему крайне нереалистичной. Во-первых, объем воздуха, необходимый, чтобы заполнить ее трахею, должен был быть неимоверно большим. Во-вторых, дело было не столько в длине (которая не мешает существовать, например, жирафу), сколько в числе шейных позвонков. Согласно Кювье, характеристики предполагаемого плезиозавра нарушали анатомический закон, выведенный им на основе всех имеющихся у него данных о современных животных. Этот закон ограничивал число шейных позвонков до семи для животных, передвигающихся на четырех ногах (даже у жирафа их всего семь, то есть столько же, сколько и у мыши), для живущих рептилий их может быть от 3 до 8, наибольшим же числом шейных позвонков обладают птицы — от 13 до 25. Найденная Мэри так называемая рептилия насчитывала 35 позвонков только в шейном отделе. Для европейского ученого сообщества Кювье был звездой анатомии. Про него говорили, что он мог описать все животное только по одной кости. Сложно было представить, чтобы столь именитый и уважаемый исследователь ошибался.

Тем не менее, по мере того как плезиозавр становился фигурантом все большего количества отношений, он набирал все больше степеней реальности[1], что позволило ему конкурировать с научным авторитетом Кювье. Сначала плезиозавр, благодаря акту наименования, совершенному Конибэром, начинает «витать в воздухе» как одна из возможных интерпретаций ряда останков. Затем, получив связь с материальным объектом — найденным Эннинг скелетом, — он входит в круг активного обсуждения ученого сообщества. По мере того как эта связь становится все прочнее, существование плезиозавра оформляется в научный факт. Вопреки мнению Кювье, шейные позвонки не переходят на сторону противника, и плезиозавр при их посредничестве оказывает сопротивление светилу геологии, который вынужден был в конце концов признать неправоту и включить находку Эннинг в свой атлас фоссилий [Cuvier 1836: Pl. 3]. Немаловажную роль сыграло и то, что сам Ричард Гренвилл, первый герцог Бэкингемский, взял на себя расходы и спонсировал Бакленда, чтобы тот выкупил и привез в Лондон скелет плезиозавра, выплатив Мэри 100 фунтов — наибольшую сумму, когда-либо выплачиваемую за отдельное ископаемое.

Когда же семья Эннингов в 1830 году снова переживала материальные трудности, ей в очередной раз пришли на помощь вымершие существа, которых она вернула к жизни. В том же году Де ла Беш создает акварельный рисунок «Графство Дорсет в древности» (рис.1), где впервые изображается доисторический мир, его флора и, что самое главное, фауна, основными персонажами которой становятся найденные Эннинг ихтиозавр и плезиозавр. Окончательно оживив эти фоссилии, наделив их плотью и показав в действии (рисунок демонстрирует борьбу ихтиозавра с плезиозавром, в которой первый перегрызает горло второму), Де ла Беш вместе с литографом Георгом Шарфом создают многочисленные копии работы, способствуя популяризации доисторических животных среди населения. Вырученные за тираж средства были переданы нуждающимся Эннингам.

1 Поскольку в процессе становления фактом можно выделить ключевые этапы, связанные с привлечением дополнительных ресурсов убеждения и новых союзников, представляется, что можно говорить о наличии определенной степени реальности на каждом из данных этапов. «Реальность, как и объективность, имеет много оттенков и всецело зависит от количества элементов, связанных с определенной идеей» [Латур 2013: 173]. Степени реальности возрастают по мере того, как возрастает «цена несогласия» с данной идеей.

Рис. 1. Де ла Беш Г. Duria Antiquior — Графство Дорсет в древности. Национальный музей Кардиффа.

Fig. 1. De la Beche H. Duria Antiquior — a more Ancient Dorset. National Museum Cardiff.

Таким образом, связь Эннинг с окаменелостями и тот факт, что последние, в частности скелет плезиозавра, оказались способны включаться во взаимодействия, послужили изменению ее собственной идентичности. Превращение неопознанного скелета в «след» жизни плезиозавра позволило Эннинг радикально изменить размеченную траекторию ее жизни как женщины-англичанки XIX века, ключевым событием которой считалось замужество. Многие отмечают неоцененность научных заслуг Мэри из-за того, что она была женщиной. Действительно, Эннинг почти не писала статей, за исключением одной небольшой публикации и нескольких писем.

Ее редко упоминали в своих работах ученые мужи, паразитируя на результатах ее деятельности — в большинстве своем они не считали Эннинг их коллегой. Добытые упорным и опасным трудом находки у нее покупали за цену, несоизмеримо меньшую, чем их палеонтологическая значимость. Несмотря на свои заслуги перед наукой, Эннинг не смогла стать членом Лондонского геологического общества. И все же судьба этой женщины радикально выделяется на фоне жизни многих ее современниц. Эннинг удалось не только вести независимую жизнь, не идентифицируя себя через мужа, но стать, пусть и неофициальным, членом геолого-палеонтологического сообщества, учитывая, что ее стартовая позиция

как актора-палеонтолога была проигрышной с социальной точки зрения. Эннинг была не только представительницей (в латурианском смысле) доисторических животных, но и представительницей (репрезентантом) женщин как социальной группы, которые в XIX веке были практически так же безмолвны, как объекты. Позиции Эннинг и плезиозавра в патриархальной Британии сближаются в необходимости быть представляемыми через фигуру мужчины. Женщина еще не сформировала свою идентичность в качестве самостоятельного и независимого актора, у фоссилии на момент ее обнаружения идентичность также отсутствует.

Можно сказать, что благодаря взаимовлиянию имел место одновременный «выход из тени»: не только исследователи переопределяют свои объекты, но и объекты изменяют исследователей. Подобно Ахматовой, Эннинг могла бы сказать, что «научила женщин говорить», в том числе не без помощи плезиозавра и других обнаруженных ею фоссилий. Хотя палеонтологические останки утвердили свой высокий статус объектов научного изучения раньше, чем женщины смогли отстоять свои права, первые оказали помощь хотя бы одной представительнице женского сообщества. Благодаря палеонтологическим союзникам Мэри Эннинг добилась прогресса в изменении своего статуса в британском обществе.

Мамонт (мастодонт) и американская борьба за независимость

Если плезиозавр помог обрести идентичность одной женщине, то следующий герой повлиял на становление и восприятие образа целой нации. Мамонт отчасти обязан своим появлением французскому натуралисту Жоржу Кювье. Считается, что именно Кювье впервые отнес гигантские останки не к слонам, а к вымершим животным. Он был сторонником гипотезы вымирания видов, предполагающей, что некоторые виды навсегда исчезли с лица Земли [Кювье 1937].

Эта гипотеза легла в основу разработанной им теории катастроф, согласно которой каждый вид зарождался и жил отдельно и независимо от других до наступления катаклизма, уничтожавшего его и всю современную ему флору и фауну. В качестве примера Кювье использовал найденные в Италии останки, которые он приписывал мамонту. Кювье был блестящим ритором, поэтому мог выстраивать успешные стратегии убеждения несогласных, однако здесь нельзя забывать о многочисленных союзниках, которые были необходимы для эффективности этих стратегий. Кювье уже обладал авторитетом в мировом научном сообществе, имел связи в Академии и прави-

тельстве Франции и, конечно, прекрасно умел подготовить сцену для своих актантов, которых выводил на нее посредством метода сравнительной анатомии[1].

Нельзя увидеть мамонта самого по себе, однако в компании африканских и индийских слонов (эти двое также представляют разные виды) неопознанные останки обретают собственную идентичность. Увидеть то, что останки мамонта принадлежат именно ему, а не его молодым сородичам, можно только в определенных условиях и при определенном ракурсе. Во-первых, необходимо выбрать подходящую компанию других актантов, уже представляющих собой «черные ящики» [Латур 2013: 213], а, во-вторых, указать, на что именно мы должны посмотреть. В случае со слонами и мамонтами оказывается, что смотреть надо на коренные зубы. У мамонтов (вернее, как выяснилось позже, не у мамонтов, а только у мастодонтов, но на рубеже XVIII–XIX веков и те, и другие существовали как единый объект) на жевательных пластинах обнаруживаются бугорки, отсутствующие на зубах слонов. Поэтому останки можно уверенно классифицировать как не принадлежащие слонам или каким-либо другим ныне живущим существам, поскольку для Кювье представлялось нелепым предположить, что подобные гиганты (ростом более 2,5 метров и весом до 6 тонн) бродят где-то по поверхности Земли незамеченными.

За работой Кювье пристально, насколько в то время позволяли разделявшие их просторы Атлантического океана, наблюдал будущий президент США Томас Джефферсон[2]. К тому моменту он уже включил мамонта в число союзников политической кампании за признание Америки. Джефферсон был одержим мамонтами. Например, он использовал существительное mammoth, относящееся к древним слонам, в качестве прилагательного, описывающего нечто гигантских размеров. Так, для характеристики подаренного ему жителями городка Чешир штата Массачусетс огромного сыра он использовал выражение «Cheshire mammoth cheese».

Хотя и не только мамонт в конечном итоге стал палеонтологическим союзником в борьбе за признание Америки (в нее также внес-

1 Впоследствии свои палеонтологические изыскания Кювье суммировал в атласе фоссилий, где значительная часть зарисовок посвящена останкам различных видов слонов и соседствующим с ними останкам мастодонтов, в том числе и тех, что были предоставлены Томасом Джефферсоном [Cuvier 1836: Pl. 20-29].

2 Подробнее об увлечении Джефферсона палеонтологией и его поисках фоссилий см. [Dugatkin 2009]. Более подробно об истории останков мамонта и мастодонта в Америке см. [Thomson 2008].

ли значительный вклад шкура пантеры и гигантский лось [Dugatkin 2009: 129]), однако именно он интересен как актор, оказавшийся в узле наиболее гетерогенного набора интенсивных взаимодействий. Джефферсон был категорически не согласен с убеждением Кювье, что мамонты вымерли, поскольку в отличие от густо заселенной Европы Североамериканский континент был богат на неизведанные колонизаторами земли, где эти гиганты вполне могли скрываться.

Почему Джефферсон питал такие надежды и откуда вообще взялась у этого успешного политика и отца демократии такая озабоченность судьбой таинственных гигантов? Дело в том, что кроме активной политической деятельности Джефферсон живо интересовался наукой, в том числе зарождающейся палеонтологией. Он принадлежал к числу любителей, помешанных на поиске и собирании окаменелостей, а благодаря таким любителям палеонтология довольно быстро набрала обширную материальную базу. Джефферсона вполне можно назвать отцом-основателем не только государственности США, но и североамериканской палеонтологии. Его участие в создании палеонтологической сети не ограничивается причастностью к коллективу собирателей фоссилий.

Джефферсон оказывается особым актором, поскольку он пытался осуществить перевод интересов, совмещая две различные, но одинаково близкие ему области науки и политики. Этот случай наиболее ярко показывает, как сложно четко разграничить сети, если речь идет об интересах. Джефферсон, будучи заинтересованным лицом и с той, и с другой стороны, предстает в качестве точки сборки сети, рассматривающейся в этом кейсе.

Последняя четверть XIX — начало XIX века для Америки — время войны за независимость и первые десятилетия существования молодого государства. Джефферсон принимает деятельное участие в борьбе за будущее североамериканских колоний. Однако он сражается не на просторах континента или омывающих его морях, а в особом пространстве, где правят не люди, а идеи и факты. Джефферсон заинтересован в создании благоприятного образа американской нации, которая стояла бы на равных, а, возможно, и превосходила бы европейские народы и государства. Действия третьего президента США по формированию такого образа Америки на международной арене стали ответом на своеобразный вызов. В качестве такового им были восприняты теоретические изыскания одного из крупнейших ученых того времени в далекой Франции.

Авторитетный французский натуралист граф Жорж-Луи Леклерк де Бюффон на протяжении половины жизни (с 1749 и до сво-

ей смерти в 1788 году) создавал свой magnum opus «Естественная история: общая и частная». Этот энциклопедический труд, при жизни автора насчитывающий тридцать шесть томов, отражал самые разнообразные аспекты истории окружающего мира: происхождение и эволюцию Земли, физическую и социокультурную антропологию, исследования мира животных и растений [Buffon 1749-1788]. В девятом томе Бюффон [Buffon 1761] излагает теорию дегенерации или вырождения Нового Света, которую развивает далее в четырнадцатом томе [Buffon 1766]. Бюффон предположил, что климат в Северной Америке настолько беден по сравнению со Старым Светом, что может питать и поддерживать только крайне слабые формы флоры и фауны. Сопоставив виды, обитающие в Америке с их родичами в Восточном полушарии, Бюффон увидел явное превосходство последних над первыми в размерах и строении. Не ограничившись животными, Бюффон включил в свои исследования и коренных жителей Америки, чье анатомическое строение по его мнению также не шло ни в какое сравнение с анатомией европейцев.

Более того, Бюффон возложил на индейцев ответственность за вырождение видов в Америке. Якобы из-за их склонности к лени и умственной недоразвитости индейцы не предприняли должных попыток покорить природу и улучшить условия среды (путем обработки и обогащения почвы и осушения болот). Далее Бюффон предположил, что даже самые крупные, мощные и выносливые животные, оказавшись в американских природных условиях, будут уменьшаться, чахнуть и увядать. Следующим шагом, который незамедлительно сделали некоторые рьяные сторонники рассуждений Бюффона[1], был вывод о том, что и мигрировавшие на Запад европейцы тоже подвергаются непрерывному вырождению и деградации. Облик американской нации представал совсем не в том свете, в каком бы его хотел видеть Джефферсон.

Таким образом, два конкурирующих претендента заявили свое право говорить от имени американской нации: французский ученый и американский политик. В конечном итоге преимущество оказалось за Джефферсоном, который привлек союзников как со стороны науки, так и из сферы политики. Бюффон же, скорее всего, вообще не испытывал никакой личной неприязни по отношению к американской нации и вел совсем другую борьбу, в которой обитатели Северной Америки не были для него самоцелью.

1 В их числе были Корнелис де Пау, Гийом Тома Рейналь, Уильям Робертсон [Dugatkin 2009]

Его главным оппонентом был вовсе не Джефферсон, а никак не связанный с Америкой шведский натуралист Карл Линней. Они оба изучали разнообразие биологических видов, но французского исследователя не устраивал классифицирующий подход Линнея. По мнению Бюффона, истинная задача естественных наук заключалась не в составлении систематики и категоризаций, а в установлении причин того, почему определенные виды живых существ выглядят так, а не иначе.

Иными словами, нужно было сместить акцент с биологического разнообразия на различные факторы, влияющие на внешний вид и образ жизни существ. Для Бюффона идеальными актантами, на которых можно было проиллюстрировать такой подход, стали обитатели североамериканского континента. Бюффон ни разу не посещал Америку, поэтому представлять местных актантов ему приходилось не прямо, а через описания посредников[1].

Эти посредники оказались ненадежными. Натуралист увязывал свои утверждения в одну сеть с рассказами французских путешественников, посещавших Америку по торговым и предпринимательским делам, и функционирование выстраиваемой им сети дало сбой. Актанты оказали сопротивление, перейдя на сторону нового представителя, ставшего действительно «народным депутатом». Речь о Джефферсоне, который сам принадлежал к числу жителей Северной Америки. Как представитель своей нации он должен был выбрать себе самого сильного союзника из числа многочисленных актантов.

Джефферсон [1990: 133-161] тщательно собирал материалы обо всех кандидатах, составив в «Заметках о штате Виргиния» целый реестр живых существ, обитающих на территории штата. Таким образом, он провел ту же самую процедуру, что и Бюффон, сопоставив обитателей Нового и Старого Света. Его анализ показал, что особой и стабильно наблюдаемой разницы между ними зафиксировать не удается. Джефферсон занялся пересборкой той же сети, посвятив подробному описанию разнообразных животных и местных жителей значительную часть своей книги. Однако для безоговорочной победы в споре было бы недостаточно просто повторить все шаги конкурента — нужно было обладать большим количеством

1 Сам по себе этот факт, однако, не обесценивает исследование Бюффона, поскольку, например, современные ученые-естественники не могут обойтись без посредничества, в первую очередь технического, чтобы «общаться» со своими актантами (о гормоне судят по линии на регистраторе, об элементарных частицах — по фиксируемым следам в камерах, сигналах на детекторах и т. д.).

ресурсов и сильных союзников. Кроме того, у Бюффона оставался про запас аргумент о большем биологическом разнообразии Европы, о котором свидетельствовали в том числе и палеонтологические находки. Поэтому Джефферсону также был нужен союзник из стана палеонтологии, и в качестве него он выбрал мамонта, который, однако, впоследствии оказался мастодонтом, после того как в 1817 году Кювье в своей классификации выделил этих животных как самостоятельный вид.

Немаловажную роль в вовлечении мамонта в борьбу против Бюффона сыграл художник Чарльз Пил, тесно знакомый с Джефферсоном и создавший в 1786 году в Филадельфии музей естественной истории. Когда в 1801 году Пил узнал об обнаружении останков гигантского животного, он взял на себя организацию раскопок и извлечение скелета из земли и сообщал Джефферсону о ходе работ в письмах. Впоследствии Пил запечатлел эти раскопки на одной из своих картин (рис.2).

Рис. 2. Пил Ч.У. Раскопки мастодонта. Музей Балтимора.
Fig. 2. Peale C. W. Exhumation of the Mastodon.
Baltimor City Life Museum Collection.

Траектории определения идентичности обнаруженного скелета оказались крайне разнообразными и зависящими от других акторов. По этой причине останки могут выступать в качестве просто любопытной и необычной находки для охотника за древностями, важного источника новых данных для палеонтолога, или же олицетворения силы и мощи всей американской нации, если речь идет о президенте Соединенных Штатов. Джефферсон верил, что

огромные мамонты еще прячутся среди неисследованных просторов североамериканского континента, поэтому снарядил экспедицию на их поиски (живые мамонты были бы гораздо более сильным союзником, чем вымершие тысячи лет назад, поскольку на стороне Бюффона были живые слоны и носороги [Dugatkin 2009: 22]).

Эта кампания, разумеется, потерпела крах, и чтобы предоставить французскому ученому «живого американского гиганта», Джефферсону пришлось рассмотреть новых кандидатов, остановив свой выбор на лосе. Тем не менее ископаемые гиганты, заняв нишу палеонтологических аргументов, приобретавших все большую значимость с укреплением научных позиций палеонтологии, внесли свой вклад в подрыв доводов Бюффона и позволили пересмотреть образ Америки. Бюффон признал свои ошибки, (правда, так и не успев исправить их в «Естественной истории» до своей смерти), а Америка в конце концов стала полноправным игроком на мировой арене.

Заключение

Рассмотренные кейсы демонстрируют, как самые разнообразные акторы (люди и доисторические животные) связываются в одну сеть, так что не представляется возможным полностью обособить их друг от друга. Безусловно, судьба описываемых палеонтологами доисторических организмов, равно как и любых других научных объектов, зависит от людей, которые поддерживают их существование. Сами по себе ископаемые останки и эскизные зарисовки еще мало что могут. Нужно заручиться поддержкой многочисленных союзников, чтобы актанты получили статус реальных: плезиозавр прошел цепочку трансформаций от выдумки к недостоверной гипотезе и до признанной наукой вымершей рептилии, а мамонт как самостоятельно существовавший вид обособился сначала от слона, а затем от мастодонта.

Однако не следует забывать, что и для вовлеченных в эти процессы людей взаимодействие с актантами не проходит бесследно. Это влияние обоюдно: актанты также переопределяют своих представителей и помогают им даже в сферах, напрямую не связанных с научной деятельностью. В случае Эннинг женщина оказывается в равном положении с найденными фоссилиями. Ее роль в патриархальном обществе Британии начала XIX века может быть приравнена к роли палеонтологической находки — это «диковинки», укрепляющие и повышающие социальный статус владеющего ими мужчины.

Именно благодаря союзу с плезиозавром Эннинг утверждается в качестве самостоятельного актора палеонтологической сети. Она проявляет активность по поиску союзников, в частности, Конибэра, а не действует исключительно как молчаливый представляемый, как в случае с предшествующими находками, проданными на аукционе Берча. Таким образом, плезиозавр обязан своим открытием Мэри Эннинг, а взамен дает ей возможность заниматься «не-женским» делом собирания фоссилий, самостоятельно зарабатывать на жизнь и быть вовлеченной в научную жизнь.

Мамонт, найденный в лесах североамериканского континента, используется Томасом Джефферсоном как символ могущества американской нации в противовес теориям европейского натуралиста Бюффона о вырождении американской флоры и фауны. В этом кейсе имеет место «двойное представительство». Джефферсон, выступающий представителем мамонта, с помощью последнего усиливает позиции других представляемых актантов — американской нации и американского государства.

Эти истории заслуживают внимания как примеры сплетения гетерогенных акторов, включающие в себя вымерших животных, в результате которых формировался статус и положение палеонтологии. Кроме того, доисторические существа оказали воздействие и на других акторов сети. Поскольку любое исследование представляет собой сложный процесс множественных переводов интересов, то это воздействие вышло за рамки чисто научной сферы. Таким образом, эти истории служат все еще актуальной цели — выявлению агентности нечеловеческих объектов и борьбе, за признание их в качестве равноценных акторов. Более того, фоссилии и доисторические животные оказываются вовлеченными в борьбу по отношению к сугубо человеческим формам дискриминации — гендерной и национальной, что также сближает их с акторами-людьми.

Библиография / References

Джефферсон Т. (1990) Заметки о штате Виргиния. *Автобиография. Заметки о штате Виргиния*, Л.: Наука: 99-255.

— Jefferson T. (1990) Notes on the State of Virginia. *Autobiography. Notes on the State Virginia,*. L.: Nauka: 99-255. — in Russ.

Каллон М. (2017) Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Брие. *Логос*, 27 (2): 49-95.

— Callon M. (2017) Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay. *Logos,* 27 (2): 49-95. — in Russ.

Кювье Ж. (1937) *Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара*, М.; Л.: Биомедгиз.

— Cuvier G. (1937) A Discourse on the Revolutions of the Surface of the Globe, M.; L.: *Biomedgiz*. — in Russ.

Латур Б. (2013). *Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества*, СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге.

— Latour B. (2013) *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society*, St.-Petersburg: EUSP Press. — in Russ.

Латур Б. (2014) Пересборка социального. *Введение в акторно-сетевую теорию*, М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

— Latour B. (2014) Reassembling the Social. *An Introduction to Actor-Network-Theory*, M.: Higher School of Economics. — in Russ.

Латур Б. (2015) *Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого»*, СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге.

— Latour B. (2015) *War and peace of microbes, with «Irreductions»*, St.-Petersburg: EUSP Press. — in Russ.

Протеро Д. (2016) Она продает ракушки на морском берегу. *Отпечатки жизни. 25 шагов эволюции*, СПб: Питер: 202-210.

— Prothero D. (2016) She sells seashells by the seashore. Prothero D. The Story of Life in 25 Fossils: *Tales of Intrepid Fossil Hunters and the Wonders of Evolution*, SPb: Piter: 202-210. — in Russ.

Buffon G.L. (1749-1788) *Historie Naturelle*, Paris: Imprimerie Royal.

Cuvier G. (1836) *Recherches sur les Ossemens Fossiles. Atlas*.1, Paris: Edmond D'Ocagne.

Dugatkin L.A. (2009) *Mr. Jefferson and the giant moose: Natural history in early America*, Chicago: Chicago University of Press.

Emling S. (2009) *The fossil hunter: dinosaurs, evolution and the woman whose discoveries changed the world*, N.Y.: Palgrave Macmillan.

Goodhue T. (2002) *Curious Bones: Mary Anning and the Birth of Paleontology*, Greensboro, NC: Morgan Reynolds Publishing.

Latour B. (1980) The three little dinosaurs or a sociologist's nightmare. *Fundamenta Scientiae*, 1 (1): 79-85.

Law J. (1986) On the methods of long distance control: vessels, navigation and the Portuguese rout to India. J. Law. (ed.) *Power, action and belief: a new sociology of knowledge?* L.: Routledge and Kegan Pol: 234-263.

Thomson K. (2008) *The Legacy of the Mastodon: The Golden Age of Fossils in America*, New Haven, CT: Yale University Press.

Рекомендация для цитирования:

Петрухина П.С. (2019) Приключения плезиозавра и мамонта: как действуют доисторические животные в гетерогенных сетях. *Социология власти*, 31 (3): 140-158.

For citations:

Petrukhina P.S. (2019) The Adventures of the Plesiosaurus and the Mammoth: How Prehistoric Animals Act in Heterogeneous Networks. *Sociology of Power*, 31 (3): 140-158.

Поступила в редакцию: 15.08.2019; принята в печать: 25.09.2019.

Received: 15.08.2019; Accepted for publication: 25.09.2019.